

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ПРАВДА О ВОЙНЕ,
КАКОЙ БЫ ОНА НИ БЫЛА

Олег КОНДРАТЬЕВ

ОНИ ЗНАЮТ ВОЙНУ В ЛИЦО

РОМАН О РОССИЙСКОМ СПЕЦНАЗЕ

ДВОЙНОЙ ЗАХВАТ

Роман о российском спецназе

Олег Кондратьев

Двойной захват

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кондратьев О. В.

Двойной захват / О. В. Кондратьев — «Эксмо», 2020 — (Роман о российском спецназе)

ISBN 978-5-04-116016-6

По тайному сговору НАТО с российскими военными чиновниками западные спецслужбы разрабатывают операцию по «захоронению» американских радиоактивных отходов на Кольском полуострове. Экипаж российского судна, перевозящего опасный груз, до последнего момента не догадывается, что участвует в грязной акции. Тревогу поднимает капитан-лейтенант Сергей Редин. Он первым узнает истинную подоплеку дела и пытается сорвать задумку врага. Американцы решают затопить взбунтовавшееся судно в Баренцевом море. Для этого на российский борт высаживаются отборные рейнджеры. Наши моряки вступают в смертельную схватку с диверсантами...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116016-6

© Кондратьев О. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	9
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Олег Кондратьев

Двойной захват

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© PRESSLAB / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:

© PRESSLAB, Andrey_Kuzmin / Shutterstock.com

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:

faitotero / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Кондратьев О.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Радиоактивные отходы – это различные материалы и изделия, которые содержат радионуклиды в высокой концентрации и не подлежат дальнейшему использованию. Наиболее опасные радиоактивные отходы – отработанное ядерное топливо...

Нарушение режима хранения может иметь катастрофические последствия...

Твердые радиоактивные отходы цементируют, битумируют, остекловывают и т. д. и захоранивают в контейнерах из нержавеющей стали...

Для твердых радиоактивных отходов надежных абсолютно безопасных способов захоронения до настоящего времени НЕТ из-за коррозионного разрушения контейнеров.

Большая Российская Энциклопедия

Часть первая На суше

Северо-Восточная оконечность Скандинавского полуострова, район государственной границы Российской Федерации и Норвегии

Небольшой морской буксир и приземистая баржа в связке с ним неспешно продвигались вдоль береговой черты с запада на восток. При взгляде со стороны моря, они полностью сливались с серыми пологими сопками, а плотный предутренний туман довершал естественную маскировку, одинаково надежно прикрывая и спокойную в этот ранний час поверхность залива и пологий каменистый берег. Даже звуки, которые, казалось бы, так хорошо должны были разноситься над водой, полностью поглощались этим белесым туманом и вязкой сыростью, то ли от мелкого морозящего дождя, то ли от испарений с поверхности океана.

Впрочем, чье-то внимание в этой с виду необитаемой местности буксир все-таки привлекал: окуляры мощного бинокля позволили его обладателю с берега проследить путь «сладкой парочки» до тех пор, пока она не скрылась за очередным изгибом берега, продолжая свой неторопливый путь на восток.

Тогда бинокль отправился в футляр, а его владелец, сверкнув майорской звездой на погоне, поплотнее запахнул камуфляжную накидку и зашагал напрямик к расположенному в каменистой лощине неказистому одноэтажному строению, выполняющему теперь функции наблюдательного поста Погранотряда-18.

Прибрежные воды Баренцева моря, борт морского буксира мб-10, ходовая рубка

Мужчине, стоящему у штурвала, было лет сорок пять. Весьма заметная небритость являлась не данью моде, а простым нежеланием соблюдать в море утомительный ритуал удаления растительности на лице. Это придавало ему довольно свирепый вид, а в сочетании с потрепанной капитанской фуражкой делало похожим на старого морского волка, каковым он на самом деле и являлся. Капитан любил, чтобы его называли «шкипер».

В ходовой рубке он был один. Такое нарушение корабельного расписания вызывалось целым рядом причин, как объективных, так и субъективных. Во-первых, своего молодого рулевого он отправил на необитаемую баржу, где тот, сидя в единственной, наспех сооруженной миниатюрной рубке, должен был управлять примитивным кормовым рулем, удерживая баржу строго в кильватере буксира. Во-вторых, его помощник после чересчур душевного общения с мотористом где-то в промасленных недрах машинного отделения вывел себя из строя минимум часа на четыре. Находился он в своей каюте в состоянии полной прострации, что, впрочем, абсолютно не беспокоило капитана, а было ему скорее на руку, все равно ведь к штурвалу молокососа не подпустил бы, только перед глазами бы мельтешил.

А задание на самом деле рутинное, пустяковое: в такой-то точке, в такое-то время от необорудованного пирса забрать несамоходную баржу и отбуксировать ее в пункт передачи – Ханта-губу. Пожалуй, не совсем обычными были кое-какие мелочи: цеплять баржу «за ноздрю» придется своими силами, так как никакого личного состава ни на ней, ни на пирсе не будет, а саму буксировку проводить на минимально допустимом расстоянии от береговой черты. Хотя, последнее вполне объяснимо: меньше качка, меньше снос. А кто лучше «шкипера» мог справиться с сугубо прибрежным каботажем в этих местах? Это по телефону особо подчеркнул и представитель Технического управления. Вот только сама точка randevу... Так далеко «налево» по карте даже ему не приходилось забираться. Хотя какие там расстояния

у вспомогательного флота? Да и пара кабельтовых туда, пара сюда... При теперешнем всеобщем бардаке – вон, даже карты новые на переход выдать не смогли – приходилось полностью полагаться лишь на интуицию, мастерство и опыт. А то ведь ненароком можно и до Англии дошкандыбать, а уж в Норвегию-то...

Капитан был польщен оказанным ему доверием и уважительным отношением высокого начальства: лично по телефону побеседовали, только ему и доверили. Что нам Норвегия?! Вода – не суша. Впрочем, если такие мысли и бродили у него в голове, то были они абсолютно не оформленными и не мешали думать о главном: по возвращении ему приказано явиться в финансовую службу и получить денежное довольствие на весь личный состав буксира за два месяца! А для него лично еще и отпускные, что вообще чудо в последнее время. И может он прямым ходом двинуть с мешком ассигнаций к себе под Полтаву, попить вволю горилки да отожраться домашними колбасами и салом. Даже захватить еще бархатный сезон. Э-ээх!

Сквозь пелену тумана по правому борту появились створные знаки, указывающие вход в родной залив, и, переложив штурвал, капитан гудком буксира просигналил рулевому на барже: «Делай, как я!»

Задание было выполнено.

Поселок Роста, Техническое управление Северного флота, Кабинет заместителя начальника Ту по ядерной безопасности

– Значит, так, Николай Степанович, возьми под свой личный контроль эти перегрузочные работы на плавмастерской. Понимаю, что это и так твоя прямая обязанность как командира береговой базы. Ты, главное, обеспечь их всем необходимым. Сердюку, начальнику мастерской, «уазик» выделяй, когда он попросит. И катер, если ему потребуются морем добираться до складов. Да, это мое личное приказание. А тебе что, письменное и адмиральское непременно надо? Не лезь в бутылку! Вот и хорошо. Сам ни во что не вмешивайся и своим подчиненным не позволяй перегрузчиков терроризировать. Знаю я их, волков!

Перегрузчики там все грамотные, специфику работ лучше вас знают. Пусть начальник мастерской завтра с утра ко мне прибудет со всеми бумагами. Я его проинструктирую. «Добро» на операцию уже есть. Учти, все это под контролем Москвы! Что я так переживаю? Я тебе говорил, что вместе с проверяющими из Центрального управления по ядерной безопасности будет специальная комиссия «ихних» наблюдателей? Во, дожили! И еще представители «зеленых».

Да-да, все вероятные противники. А вот теперь будешь встречать хлебом-солью-коньяком; размещать, холить и лелеять. Не переживай особо: это так, среднее звено, но у нас котируются на адмиральском уровне.

Будешь-будешь, и лизать, и причмокивать! Я слышал, там бабы есть даже. Да насрать им на эти работы! У них главное – это контроль захоронения. Вот они и пойдут вместе с кораблем, если, конечно, потребуется, на Новую Землю. Никогда туда не ходили? Ну и сейчас еще нет окончательного решения. Так ведь никогда еще и комиссий таких не было, и с натовцами не целовались. Да это все не твоя забота. Повторяю, главная твоя задача – защитить от них перегрузчиков, вежливо блокировать все попытки каких-либо проверок хода работ на плавмастерской.

Не мне тебя учить! Коньячок, водочка, с утра спиртик и грибы, рыбалка... Встретить, разместить, кормить, поить, развлекать, угодить, а самому идти на... А там, где надо, у нас все под контролем, таких потемкинских деревень настроим – тебе и не снилось!

Да, баржу-то нормально приняли, без замечаний? На ней же сверхсекретная отработанная зона с новейшей АПЛ. Только у Сердюка допуск будет, и все бумаги соответствующие.

Ну, удачи тебе!

– Да, слушаю, капитан 1 ранга Любимцев.

А, это ты, Сердюк! С командиром береговой базы говорил? Ну, характер такой у него: всех под себя кладет и... У тебя элементарная задача на первом этапе: перегрузка активных зон из одного мобильного хранилища в другое – к себе на ПМ для... Ну, да пока это никому не важно. На бербазу докладывать все, как положено, но без малейших замечаний. А мне лично по телефону утром и вечером. Фактически! Потому как, что бы у тебя ни случилось, на месте тебе помощи не будет. Для всех у тебя – никаких проблем! На баржу никого не пускай. Только твои исполнители работ там.

Со своими офицерами сам все утрясешь? Ну, тебе виднее. Завтра я тебя жду со всеми бумагами. Возьмешь «уазик» командирский, я договорился. Тебя эти проверяющие и инспектора касаться не будут! наших любопытных мы нейтрализуем. Кстати, среди них кто-то из компетентных органов, имей в виду. Узнаю – сообщу. Все подробности завтра обсоем.

Работай!

– Товарищ генерал! Разрешите доложить? Работы по перегрузке активных зон спецназначения на плавмастерскую будут начаты и проведены строго по утвержденному плану. Доставка прошла без сучка-задоринки. Майор-пограничник уже отбыл в отпуск. Да, сегодня, на личной автомашине, как я докладывал. «Жигуль», «шестерка» бежевая, МУН 17–98. Капитан буксира пакует чемоданы. Иностранцев сейчас еду встречать в аэропорт.

Точно, что двое из «их» органов? Да для нас они все из «органов»! Понимаю, что совсем не то будут проверять. На крайний случай мне передали контактный телефон. И пароль тоже.

Есть приступать! Вы там у себя, в Кремле...

Понятно. Никак нет! До связи.

Глава 1

Из отпуска капитан-лейтенант Сергей Михайлович Редин всегда возвращался с удовольствием. Едва ли не с большим, чем в него убывал. Совсем не потому, что соскучился по любимой работе: его теперешняя служба была скорее ссылкой, в которую он попал четыре года назад исключительно по независящим от него обстоятельствам.

На волне глобального развала армии, флота, да и всей страны, гордо именуемого перестройкой, какой-то ретивый штабист в Москве из тех военных чинуш, что через день после памятного съезда партии писали рапорта по команде: «В такой-то войсковой части, такого-то числа, месяца, года перестройка произведена!», уловив нужную струю в верховно-кабинетной политике, спустил вниз циркуляр об очередном сокращении армии и флота. В нижестоящих штабах приказ вызвал вполне адекватную реакцию: ну какой же идиот сам себя сократит? Поэтому, красный карандаш кадровиков усиленно заporхал по штатным расписаниям действующих частей. Ведь до курьезов доходило, когда сокращались механики-водители танков, вторые пилоты в авиации, наводчики в артиллерии.

Чаша сия не миновала Военно-морской флот. Коснулась она и самого могучего и боеспособного его отряда – атомных подводных ракетносцев, где имел честь служить капитан-лейтенант Редин. Правда, здесь помахать шашкой особо сильно не позволили уже на местах, всячески пытаясь саботировать идиотские приказы сверху. Однако логика управленцев была проста, тупа и прямолинейна: вон, штурман один управляет такой громадиной, а какой-то реактор в ней обслуживают аж десять офицеров, не считая еще полсотни мичманов, контрактников – так теперь стали называть сверхсрочников – и матросов! «Чик» карандашиком – и нет в штате какого-нибудь инженера или даже двух. Понятно, что и в штабах не все идиоты сидят. Поэтому вторую часть приказа о том, что сокращенных можно по их желанию уволить «на гражданку», категорически не выполняли, прекрасно понимая, что служба службой, а ведь и по специальности кто-то должен работать, знающий и опытный.

Вот так капитан-лейтенант Редин С.М., классный специалист, мастер военного дела, имеющий на своем счету девять автономок, к тридцати годам попал на специальный корабль, плавмастерскую, занимающуюся перезарядкой активных зон ядерных реакторов. Для непосвященных все просто: вытаскивают урановые стержни из реакторов АПЛ, загружают в хранилище на своем спецсудне, потом доставляют к стационарному береговому хранилищу, снова выгружают и сдают для последующей утилизации. Благо все под рукой: подводных лодок в избытке, базы все на расстоянии плевка, береговое хранилище опять же тут, за углом, в Ханта-губе.

В кадрах Сергею сказали: пересиди, мол, полгода, ты нам очень нужен. И вот он – «нужник» уже пятый год.

В свои 35 лет Сергей выглядел лет на восемь моложе. Ни намечающейся лысины, ни седины в его русых волосах не появилось. Гладкая кожа туго обтягивала высокие скулы. Короткий нос ему самому не нравился, но в сочетании со светлыми серо-зелеными глазами безошибочно выдавал в нем славянина. При росте 185 сантиметров он весил 79 килограммов, что придавало его очень пропорциональной фигуре явно выраженную спортивность. Хотя всякие регулярные занятия спортом он прекратил сразу после окончания училища. О физзарядках, пробежках и, вообще, здоровом образе жизни он и слушать не хотел: был для этого слишком ленив. На вопросы и комплименты обычно отшучивался: «Это все Крайний Север! Здесь и мамонты в мерзлоте лучше всех сохраняются».

Женат не был. При этом отнюдь не сторонился женского пола, но вопрос о браке предпочитал обходить стороной. Или уходить, причем, фактически. «Не хочу отравлять кому-то спокойную жизнь своим взбалмошным, неуживчивым характером», – отвечая так, он нагова-

ривал на себя. Несмотря на взрывную реакцию, «заводки с полоборота», быстро отходил и зла не помнил.

Убежденный идеалист, больше всего он ненавидел в людях хамство и наглость, считая их неперевоспитуемыми и неискоренимыми, а бороться с ними предпочитал адекватными мерами. В таком отношении и брали свое начало большинство его служебных неприятностей и личных «неувязок».

Военную службу он любил, но в своем понимании. Без унижений, лизоблюдства, начальственного кретинизма и командирского свинства и тупости. «Эх, мила-а-ай! Другой-то службы и не бывает», – убеждал он себя, но, как идеалист, продолжал «любить, надеяться и верить», спокойно относясь к неудобствам и лишениям физического плана и яростно сопротивляясь малейшему моральному насилию над собой.

Еще Сергею нравилась его маленькая отдельная квартирка в Островном поселке подводников, затерянном среди северных сопок. А что до благ цивилизации, так при желании за три-четыре часа можно до Питера добраться. Они по молодости лейтенантами туда на выходные летали. А вообще, двух с половиной месяцев ежегодного отпуска ему вполне хватало для удовлетворения всех своих желаний. Он успел побывать уже на большинстве курортов Прибалтики, еще Советской, на Каспии и Иссык-Куле, в Крыму и на Черноморском побережье Кавказа. На это побережье он непременно заезжал каждый год. Ну, нравилось, и все тут!

Не начиная даже распаковывать вещи, взялся за телефон. До официального выхода на службу у него были еще целых два дня, не считая сегодняшнего. Сергей не любил торопиться, старался все делать по плану и заранее. Он позвонил домой своему командиру – начальнику мастерской, а в просторечье – Лешке, младше его на четыре года, с которым служба свела его еще на подводной лодке, когда тот лишь осваивал азы морского искусства под чутким руководством и полным патронажем Сергея.

– Серега! – завизировал в трубке Лехин бас, – ты откуда звонишь? Здесь уже?! Слушай, мы ведь в Ханте стоим, месяц уже как...

«Какая неудача, – подумал Сергей, – туда на перекладных часов шесть добираться, а то и больше».

Он знал, что во время таких работ офицеры и мичманы жили там же, в Ханте на корабле: мотаться постоянно домой было просто невозможно. Да и работы велись иногда в три смены, аврально, то есть и ночью. Всегда нужны люди под рукой. А домой уезжали на два-три дня человека по три. Так сказать, без ущерба для производства. По-другому все равно не получалось: на всем их корабле на полсотни матросов были «живых» семь офицеров, вместо положенных по штату двадцати одного! Мичманов и сверхсрочников-контрактников тоже «имело место быть трехкратный недопереизбыток», как выразился один кадровик из штаба.

– ...Серега! Мне завтра утром на службе надо быть, – голос Алексея понизился до заговорщического шепота, – но раз ты здесь, – последовала двухсекундная заминка, – давай прямо сейчас туда мотанемся, а? Я же на колесах.

Редину времени на размышления не потребовалось: слишком удачная okazия подворачивалась. А в плане бытовых удобств, так на корабле с этим даже благополучнее, чем в собственной квартире: вода горячая всегда, сауна, чистое белье, опять же накормят, напоят, телевизор, видак, домино, преферанс... Сергей знал «строгие» отношения в семье Алексея и его великое желание под любым предлогом «слинять» из дома родного. Он даже мог почти дословно воспроизвести то, что сейчас Сердюк будет вешать на уши своей благоверной: срочный вызов, я же начальник, авария, да там без меня...

– Ладно, Леха. Через час посигналь под моими окнами, тебе все равно мимо ехать, – ответом было довольное урчание в трубке, – да, может, кого из наших еще прихватим по пути?

– А некого! Я их всех на пароходе посадил: пусть перед комиссией порядок наводят, службу отрабатывают!

– Суров ты, однако...

– ...но справедлив!

– Ладно, твоя-то неугомонная недалеко? То-то ты шепчешься. Завлеки ее поближе к телефону, а я пару минут в трубку начальственный разнос тебе устрою, платочек на мембрану накинута и поору от души со всеми положенными ятями. Хочется порезвиться, отвык в отпуске, вдруг еще командно-матерный подзабыл, а?

Через пару минут Сергей положил раскаленную трубку на рычаг аппарата и пошел собираться. А командно-то матерный абсолютно не забыл!

Войдя в свою каюту на корабле, Сергей первым делом отдраил иллюминатор и пошире распахнул входную дверь, чтобы поток прохладного вечернего воздуха побыстрее выгнал из маленькой каюты затхлый аромат нежилого помещения. Впрочем, «маленькая» – это относительно. Он привык к каюте на подводной лодке, где на площади поездного купе не один месяц жили бок о бок четыре человека. Так что, сначала его это новое жилище представлялось просто княжескими хоромами. Койка за занавеской, аккуратно прибранный письменный стол с большой полкой над ним, довольно вместительный шкаф для одежды, в низ которого, по его просьбе, был встроен металлический сейф, умывальник и, несомненная роскошь и предмет всеобщей зависти, кресло.

Пару лет назад его неизвестно откуда притащили демобилизующиеся матросы. Было оно кожаное, низкое и глубокое, с высокой покатой спинкой и широкими удобными подлокотниками. Корабельные умельцы отчистили его, перетянули, набили, укрепили деревянные конструкции. А потом случилось неожиданное: вместо каюты командира корабля, где тот уже расчистил место для «тронного» приобретения, матросы притащили это сокровище Сергею и, непривычно смущаясь от необходимости вслух произносить теплые и естественные слова, попросили принять их подарок, как «память о совместной службе с лучшим офицером Северного Флота». Так вот и пробормотали. Потом, кое-что отодвинув, что-то отпилив и переставив, водрузили кресло, как влитое, на площади, казалось бы, вдвое меньше самого седалища.

Сергей знал, что матросы его любили и уважали. Прежде всего за то, что он всегда относился к ним по-человечески. Не заигрывал, не рукоприкладствовал, не закладывал, не гадил. Видел в них обычных молодых ребят, волею обстоятельств оказавшихся в непривычной и необычной обстановке и очень нуждающихся в дружеской поддержке кого-то старшего. Поэтому регулярно, раз в полгода, выслушивал он простые и нескладные слова благодарности от демобилизующихся «годков» во время их последней отважной. Ему даже стало казаться, что посещение его каюты для них превратилось в своеобразный ритуал, передающийся от «старичков» молодым, и не обманывал их ожиданий: запирает на замок дверь своей каюты, доставал бутылку спирта, чего никогда не позволял себе за все три года их матросской службы, и в течение часа-двух выслушивал поразительные признания в любви, клятвы в вечной памяти, даже предложения разобраться с кем угодно и благодарности за все-все-все. Да и сам отвечал тем же.

Еще одной особенностью было то, что Сергей позволял матросам обращаться к себе по имени-отчеству. Даже для вполне демократичных отношений на корабле между всем категориями это было смело, ново, неожиданно и не всеми одобрялось. Но, что интересно, матросы сами расставили все по своим местам и сами определили, что это – привилегия, которую надо заслужить в полном смысле слова годами совместной службы. Поэтому Сергей слышал подобное уважительно-личное обращение только от «годков». Он так и определял безошибочно: раз позволил себе матрос обратиться к нему по имени-отчеству – значит, скоро ДМБ.

А в отношении кресла командир корабля предпринял еще множество попыток выпросить, выкупить, примитивно выкрасть его у Сергея. Хотя делалось это все вроде бы в шутку, стоять бы креслу в командирском «тронном зале», если бы не вполне приятельские отношения между ними как офицеров. Нет уже этого командира – перевелся в штаб служить, да и вообще никакого нет: место вакантное, а с обязанностями вполне справляется начальник мастерской. Так и стоит кресло у Сергея. И паломничество продолжается...

Каюта проветрилась. Редин потянулся закрыть дверь, но в нее уже протиснулось нехуленькое лицо капитана-лейтенанта Маркова, такого же начальника смены, как Сергей. Не тратя времени на объятия и приветствия, он бухнул на стол фляжку со спиртом и заявил:

– Женька сейчас подбежит. Он в кают-компанию по дороге завернул, чего-нибудь зажевать прихватит.

– Гена, дай ты мне спокойно переодеться, – взмолился Сергей, – да и сам знаешь, что через часок организуем в кают-компании полубанкет с выносом, потом попаримся в сауне, ну и далее по списку. А, кстати, откуда шило-то у тебя? Только не говори, что сберег для торжественного случая: ты и стакан не можете существовать дольше пятнадцати секунд на расстоянии вытянутой руки.

– Михалыч, да у меня теперь шила – море! И у тебя будет. Хотя у тебя и так оно всегда есть. Это отдельный разговор. Ты переодевайся пока, а я тут у рукомоиничка приму пять капель. Вот интересно: я быстрее выпью или раньше Женька прибежит с закуской?

– Ну, ты себя явно недооцениваешь. Кто ж тебя обгонит в этом виде многоборья?

– Не скажи! Я Женьку предупредил, что, если опоздает, завтра его первая смена. Работаем с восьми утра.

Сергей отошел к шкафу в глубине каюты, а Марков быстренько нацедил в стакан граммов сто, плеснул воды из-под крана и, пробормотав что-то отдаленно напоминающее «с приездом», опрокинул жидкость в рот, так и не отходя от двери. Потом радостно замычал, пытаясь, вероятно, призвать Сергея в свидетели, что он опять победил в споре, и Женьке Гоголю таки придется руководить первой сменой. Как вдруг в неслышно приоткрытую дверь просунулась рука, уперлась в покрасневшую Генкину физиономию, кулак разжался, и на ладони стала видна пригоршня квашеной капусты, с которой на палубу капал рассол. Сергей рассмеялся:

– Ген, а ведь это закуска!

– Проигрывать надо уметь. – Генка зачмокал по ладони толстыми губами, подбирая каждую капустинку.

Опустевшая ладонь, еще мокрая от рассола, вцепилась в Генкин нос и совершила несколько вращательных движений. Только после этого через комингс переступила нога, а затем в каюту протиснулась и вся долговязая фигура старшего лейтенанта Гоголя:

– Ты не забудь службу предупредить, чтобы подняли тебя завтра пораньше: на смену бы не опоздать.

– Карась! Ну разве ж можно так со старшими?! Где тебя, лейтенант, политесу учили? Явно, в Севастополе. – Марков заканчивал Дзержинку и, как все питерские выпускники, пренебрежительно относился к выпускникам Севастопольского училища.

– Как отдыхалось, Сережа? Что так рано назад? – Женькиному голосу могли бы позавидовать сладкоголосые сирены. Так нежно имя «Сережа» не произносил ни один знакомый Редина. Любого пола. Временами Сергей не сомневался в нетрадиционной ориентации своего сослуживца, но... «замечен не был». Как, впрочем, и в связях с женщинами. Что, вообще, поразительно! Однако женат и разведен Евгений Гоголь был, несмотря на свои молодые двадцать четыре года.

Женька выложил на стол пару луковиц, поставил тарелку с капустой, несколько кусков хлеба и банку тушенки.

– Ну вот, теперь можно и до банкета кое-как дожить. Онегин, к барьеру, то бишь, к рукомойнику! А я пока баночку расколупаю. – Геннадий занялся приготовлением немудреной закуски.

В это время в каюту аккуратно постучали. Женька отработанным движением сделал шаг от умывальника и полностью перекрыл собой вход в каюту, лишив возможности любого незваного посетителя не только шагнуть внутрь, а и просто обозреть помещение.

– Сергей Михайлович, – официально обратился он к хозяину, – тут вас подчиненный спрашивает. Изволите-с принять?

Из-за двери послышался знакомый голос:

– Товарищ капитан-лейтенант, я могу попозже зайти. Не буду мешать вам.

Однако Сергей уже сам выглянул в коридор:

– Здравствуй, Саныч, – он крепко пожал руку невысокому коренастому главному старшине, – честное слово, очень рад тебя видеть. Хотя ты и действительно не вовремя заглянул. Сам видишь: я даже переодеться толком не успел, да и офицеры наши заглянули... Ты по службе что-нибудь?

– Да нет, – старшина замялся, неловко переступая с ноги на ногу, – я, наверное, потом лучше зайду.

– Саныч, давай вот как сделаем: у нас до отбоя еще времени навалом, мы сейчас все в кают-компанию переберемся, ну а потом в сауну, вероятно, ее уже готовят. Так я, как только чуток освобожусь, тебя через службу вызову к себе в каюту. Договорились?

– Да.

– Правда, ничего такого срочного?

– Нет, все в порядке. Разрешите идти?

– Да-да, конечно, Ваня.

Для Сергея главный старшина Иван Дронов был просто подарком судьбы и палочкой-выручалочкой. Главным старшиной он стал только что, единственный во всем экипаже. Нет в плавсоставе официальной должности старшины роты, и Иван добровольно, можно сказать на общественных началах, выполнял эти нелегкие и многообразные обязанности. Он умел прекрасно уживаться и с только что прибывшими служить салагами, и с «годками» за месяц до ДМБ, и с высоким начальством. Его авторитет среди личного состава был абсолютно непререкаем. Сергей уже не однажды с тревогой думал о том, что же будет через полгода, когда наступит очередь демобилизации Дронова: замены надежной ему не было. В немногочисленном подразделении Сергея, где Иван был на должности старшины команды, что уже является высшим признанием заслуг для личного состава срочной службы, он отлично натаскал в вопросах специальности Диму Хлопова, паренька, в общем-то, неплохого, но только как специалиста, а не как младшего командира и человека. «Жалко будет расставаться», – в который раз подумал Редин, возвращаясь в каюту.

На офицерских посиделках в кают-компании Сергей был сегодня свадебным генералом. Холостой, легкий на подъем, истосковавшийся по Большой земле, имеющий весьма солидную сумму денег в кармане и готовый их тратить, он успевал за время отпуска сменить три-четыре места отдыха, практически каждое из которых становилось ареной его приключенческого романа. А слегка подредактированное и расцветченное в его изустном рассказе, вообще поднималось до высот классики жанра. Каждый раз разного: то эпическая героическая поэма, то романтическая мелодрама – в зависимости от состава аудитории, настроения и количества выпитого. Но по опыту, в конце концов все сводилось к причудливой эротике, переходящей местами в откровенную порнуху. Мужикам очень нравилось.

Уже в сауне, куда перебрались для продолжения банкета, речь зашла о службе. Этот факт в мужской военной компании всегда с очень высокой степенью точности определял общий

спиртовой градус. В данном случае, уже достаточно высокий и продолжающий неуклонно расти. Служебная тема сменила и закрыла дискуссию «о бабах».

– Михалыч! Ну, не хватает у меня людей! Ты обратил внимание, что мы по-новому работаем? – Начальник мастерской говорил громко и отчаянно жестикулировал. – Своим личным составом работаем и у себя в зоне и на барже: никаких береговых групп! Стратеги штабные все экономят: повыкидывали стержни с лодки на эту долбаную плавемкость и зашвырнули сюда вместе с нами – расхлебывайте, ребята, сами.

– Леха, – Сергей не обратил на эту тираду ни малейшего внимания, – я вот сейчас увидел, что за эти месяцы живот у тебя раза в полтора вырос. Но на арбуз ты не похож: кончик абсолютно не сохнет. Ты что, его регулярно в разных емкостях замачиваешь? И вообще, запомни: я еще до послезавтра в отпуске. Не приставай со службой, лучше о бабах!

– Ооо!!! – ревом раненого в ухо слона отреагировал на животрепещущую тему Генка, – я щас новость расскажу – офигеешь! Там, на ПКЗ такие две девочки живут, ууу! И к нам имеют прямое отношение.

– А что ж тогда мы их в сауну не пригласили? – вполне резонно заключил Сергей, – тут бы и разобрались, кто кого имеет.

– Сережа, они только недавно поселились. Мы даже толком не познакомились. Пару раз всего и виделись.

– Молчи, лейтенант! Я в твои годы уже после первой встречи из постели не вылезал. Правильно Михалыч говорит, – хотя Сергей вообще никак не реагировал, а лишь усиленно потел в двадцатиградусной жаре, – давай, Онегин, тащи этих баб сюда!

– Что за женщины-то такие? – незаинтересованно спросил Сергей.

– А это целая комиссия приехала. По контролю за разоружением, загрязнением среды, утилизацией радиоактивных отходов и еще куча всяких контролей. Там и из НАТО есть, и наша и импортные «зеленые». Сюда таких первый раз допустили.

– Нее-а! Нам зеленых баб не надо!

– Да тебе, Геночка, сейчас ни белых, ни черных уже не надо. Пойдем в предбанничек, примем по шнурочку. А девочка-то одна действительно от «зеленых». Скандинавка какая-то. Другая наша, переводчица. Симпатичные... – Женька прикрыл глаза.

– Не буди во мне звер-р-р-я! Лучше действительно вздрогнем еще разок. И пойдем их на ПКЗ трахать!

– Вот, Михалыч, с кем приходится работать! Все у них решает путеводитель. – Алексей обернулся к расхорохорившемуся Генке. – Я тебя на плавемкость на пару смен загоню – будет твой путеводный орган все время «сидеть» и «место» показывать! Гоголь, отведи его к столу, налей полстакана снотворного. Да вызови вахтенного, пусть химика поторопит. Я его еще из кают-компании за шахматами послал. А дежурный пусть доложит, вернулся ли из поселка доктор. Если да, то доставить его сюда немедленно! Голого и со стаканом!

Химик, а официально «начальник службы радиационной безопасности», списанный по здоровью с подводных лодок старший лейтенант, умудрившийся неизвестно где подхватить желтуху, Анатолий Ким, тихо сидел в предбаннике, не желая по молодости лет без приглашения влезать к старшим. Пусть даже пьяный и голый. Тем более что построенная своими руками сауна вмещала никак не более четырех человек. Неугомонный Генка успел влить в него целый стакан шила и, вероятно, столько же принять в себя. И теперь они сосредоточенно пытались расставить фигуры на шахматной доске, ожидая появления из парилки «главных сил».

– Алексей Петрович, – это Ким обращается к начальнику мастерской, – я всего за три дня работ месячный запас расходного материала извел...

– «Месячные» – это не порядок. – Обращаясь к стоящему перед ним стакану, Генка упрямо продолжал гнуть свою излюбленную эротическую тему.

– Господа! Утихомирьте маньяка!

– ...а КЗМы, бахилы, плащи? Ведь два лишних дозиметрических поста оборудовали! Черт бы побрал эту плаваемкость! Такую «грязь» внутри мы просто не удержим.

– Ты брось чертыхаться на то, что нас кормит, поит и снабжает всеми необходимыми излишествами. Я же тебе, чайнику, сказал: все будет. Понимаешь – ВСЕ! Завтра с утра мне список подай. Полный, с любыми запросами. Забывай туда краску, одежду, комплекты приборов, полотенца махровые, черт возьми, и простыни шелковые! Мыло импортное для интимных мест! Если воображения у самого не хватает, у матросов своих спроси. Обеспечь себя и нас всех лет на двадцать вперед. И все свои химические, радиационные прикамбасы забывай. Все в общий список. А в другой список – то, что нужно с лицевого счета скинуть. С корабельного и твоего, химического. Как безнадежно загрязненное, не проверяемое и подлежащее немедленному уничтожению. В старых описях своего имущества покопайся: может, лет двадцать назад на твоей службе микроскоп электронный «висел», а его кто-то спер, дома мандавошек у жены разглядывать. Или, может, телескоп... Забывай – проскочит. Я тебе обещаю! Сейчас все проскочит. Я, вон, корабельную систему видеонаблюдения и контроля «Березка» списал уже, а мы ее еще даже и не получали! Только не лезь, как обычно, по своим каналам, все через меня и Техническое управление!

– Что же это ты так расщедрился, Леша? Просто какое-то безобразное изобилие и отвратительная потребительская вседозволенность. Ни на что не похоже, – Сергей недоверчиво покрутил головой, – откуда такая «карт-бланш», и к каким законам ведет эта «зеленая улица»? – Сергей заинтересовался уже всерьез.

Опережая Сердюка, вмешался Марков:

– Серега, понимаешь, ВСЕ ЕСТЬ!!! Сколько хочешь! Это ж надо: шило нашими пятидесятикилограммовыми канистрами подвозят по первому требованию. И никто не спрашивает, куда дели предыдущее! Да и черт с ней, с радиацией, с плаваемкостью, баржой, буксиром, Новой Землей... Мы что не подводники?! Мало уже схлопотали? Без оборудования, голыми руками ведь перегружаем...

– Уймись ты, – цыкнул на него Алексей.

– Погоди, погоди! Какая Новая Земля? Что за баржа, буксир и зачем что-то голыми руками?

– Да ни хрена наше оборудование к этой зоне не подходит! То выступ не там, то болты нештатные какие-то. Зато блестит все, ни грамма ржавчины, как у нас обычно бывает. Хорошо, хоть цангу с баржой передали! – Геннадий повернулся к Сердюку. – Ты что, Леха, не можешь там надавить?!

– Ну все, все, довольно! Пьем! Сергей, – понизив голос, Сердюк обращался персонально к Редину, – это, сам понимаешь, не для сегодняшнего вечера разговор. Завтра по трезвянке покалякаем, я тебя в курс дела введу. Ты за старшего будешь.

– А сейчас, пока все здесь собрались, – это он обращался уже ко всем присутствующим, – предупреждаю в сто первый раз: прекратить всякую болтовню! На днях еще с десяток человек приезжают из Москвы. Что такое адмиральская ядерная безопасность – не мне вам объяснять. Ну и наши подпевалы с флота. Иностранцы начнут шастать: им якобы все разрешили! Здесь я один разрешаю! Ни на борт, ни на плаваемкость, тем более, ни ногой, невзирая на чины, звания, рожи и гражданство! Только с моего личного разрешения! Или еще, в исключительных случаях, вот капитан-лейтенант Редин может скомандовать. Так и службу всю инструктировать по десять раз на день.

Да, Сергей, достань из арсенала автомат, и пусть входная вахта у трапа с ним стоит. А два снаряженных магазина – в рубке дежурного в сейфе. Ни хрена матросам давать – потеряют. Автоматом пусть в грудь любого упрутся, кто лишь на трап ступит. И молчат. Ни слова ни с кем! Грозно так молчат, упершись автоматом в живот, и звонком вызывают дежурного. А что, впечатляет.

– А я хочу дать интер-вью, – пьяно икнул Генка.

– Ага, иди, подмойся сначала, волк тряпочный! А мы тут партеечку сгоняем в пьяные шахматы. Лейтенант, почему в стаканах еще не плещется?

Пьяные шахматы – очень точное на самом деле выражение. Тут выигрывает тот, кто лучше контролирует себя и способен отличить еще ферзя от слона. Кроме того, это игра коллективная. Допускается обсуждение вслух как уже сделанных, так и предстоящих ходов, а заодно и личностей игроков и болельщиков, их умственных способностей и родственников. Запрещается категорически только одно: кому бы то ни было, кроме двух играющих, передвигать фигуры на доске. Но правило не было бы правилом без исключений. Поэтому совсем не редки случаи, когда оба игрока оказывались прижатыми к стульям тремя-четырьмя парами рук, а события на доске развивались уже без их непосредственного участия. Все, что от них требовалось, это согласительный кивок головой и короткий вердикт: «Утверждаю» по каждому не ими же сделанному ходу.

– Я еще раз в парилочку наведаюсь, – Сергей дожевал соленый огурец, – кто со мной?

Пьянство пьянством, но все эти оговорки, недосказанности и явные несообразности плотно засели в голове Редина. «Сейчас Женечку позондирую, а завтра Генку прижму: опохмеляться-то надо будет, тогда и разговорится. А уж потом, во всеоружии, с Лехой пооткро-венничаем...» – с этими мыслями Серега переступил порог сауны.

Вот только прижать с утра Гену Маркова оказалось невозможно чисто физически: после сауны вернулись в кают-компанию и закурили по виду какой-то штатовский боевик. Содержание его вместе с еще кое-какими подробностями последующего времяпровождения исчезло в одной из черных дыр памяти Сергея. Причины появления этих страшных дыр, по его многочисленным наблюдениям, были весьма разнообразными: дни рождения, праздники, скука, пикник, просто встречи с друзьями или, наоборот, длительное их отсутствие. Поначалу Сергей встревожился: надо же – воруют его воспоминания, но потом философски рассудил, что раз исчезают, значит, самой природой оцениваются как незначительные и даже вредные для его дальнейшего безмятежного существования. И перестал обращать на это внимание.

Но вот Генкина черная дыра разрослась к середине ночи до таких угрожающих размеров, что поглотила и самого Генку. Причем настолько основательно, что перетаскивали его в каюту и укладывали спать втроем. Даже невооруженным глазом было видно, что из нее за оставшиеся до начала работы часа четыре Генка не выберется. Хорошо бы к обеду оклемался.

Вот тогда, чтобы не создавать ненужный ажиотаж, Сергей благородно взял на себя тяжелую миссию утренней организации работ и руководства первой сменой. Конечно, только до той поры, пока Марков при непосредственной помощи Женьки не выкарабкается из кошмарных пучин алкогольной интоксикации, то есть часа на два-три. Черт с ним, с неоконченным отпуском! Ведь ради друга.

А все-таки хорошо, что передумали идти ночью на ПКЗ, чтобы организовать там политический диспут с иностранцами, как в запале предлагал сам Серега. Или просто, чтобы поставить там всех раком, как того требовал Генка. Впрочем, под понятием «всех» он имел в виду вполне определенных лиц. Женечка молча присоединился к обоим предложениям.

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ

МУРМАНСКОГО ОБЛАСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА ПРОШЕДШИЕ СУТКИ

«На 935-м километре Ленинградского шоссе потерпела аварию автомашина ВАЗ 21063 государственный номер МУН 17–98. Водитель СЛОНСКИЙ Роман Иосифович, находясь за рулем в нетрезвом состоянии не справился с управлением автомашиной, на высокой скорости (примерно 120 километров в час) съехал на обочину и в семи метрах от трассы врезался в скалу. В результате столкновения от полученных травм водитель скончался на месте до прибытия «Скорой помощи».

Глава 2

– Стой! Сука!! Сто-о-о-ой!!!

Последний звук еще не успел вырваться откуда-то из глубины гортани, а он уже понял: поздно. И сам-то крик был лишь запоздалой, но естественной реакцией человеческого организма на то, что теперь видели все. Но мгновенно понял он один. Понял просто потому, что только для него случившееся не оказалось в новинку.

Такое уже однажды произошло в его четырехлетней практике перезарядок активных зон реакторов. Три года назад. Никто из состава теперешней его смены этого не застал: срок матросской службы три года, а ребята все почти молодые, прослужившие от силы года полтора – два. Они догадуются, сообразят, но на это уйдут драгоценные секунды, и потом предсказать их реакцию будет довольно трудно. Вряд ли она окажется единственно правильной в этой ситуации.

Вон, даже Фомич продолжает натягивать руками трос, удерживающий цангу со стержнем. Двое наводящих просто замерли рядом. Еще один стоит у поста связи, поигрывая переговорным микрофоном и пока ничего не видит. Они и должны так стоять, потому что семитонный защитный контейнер, похожий на стоящую торчком ракету, должен неизбежно покоиться на крышке хранилища, зажатый в направляющем лотке. А он висит на стропах грузовой стрелы где-то на уровне пояса.

Ох, мальчик на кране, ты сделал огромную ошибку, неизвестно почему, без всякой команды, начав подъем контейнера, когда отработанный стержень ТВЭЛ из него еще не выскочил. Ну, хоть перепугайся теперь насмерть, до икоты, до поноса, вытаращи глаза, оцепеней, только не вздумай попытаться что-нибудь исправить и вернуть контейнер на прежнее место! Вот тогда случится непоправимое, тогда точно будет труп или несколько раздавленных тел...

Сергей посмотрел на верхнюю палубу в кабинку управления грузовой стрелой. Даже отсюда, снизу, из хранилища было видно, что она пуста. Слава Богу! Отличное решение: мальчик просто сбежал. Совершил по всем понятиям очень нетоварищеский поступок, а фактически спас как минимум одну или несколько жизней. Правда, сам же и поставив их на эту грань небытия.

Картинка замерла.

Стоп-кадр, но теперь уже сознательно разрушенный его новым криком:

– Все по стенкам! Бросай все!!!

Обоих наводящих этим криком просто вдуло. Умненькие! Фомич начал что-то понимать, успел повернуть в сторону Сергея голову и попытался даже открыть рот. Однако следующая команда не дала ему и мгновения на раздумье:

– На х...!!!

Четыре метра до переборки – два хороших прыжка. И – тишина.

Вот они – все рядом. Время выиграно. Маленькая, но удача. Теперь взгляд на контейнер. Так и есть: урановый стержень одним концом находится уже в ячейке хранилища, а вторым застрял в контейнере. Впрочем, где его конкретно заклинило, черт знает. Трос, за который только что с заметным усилием Фомич удерживал стержень, теперь болтался свободно; а вся связка из стержня и цанги, которая должна была под собственным весом рухнуть в хранилище, замерла на полдороги.

Ничем не защищенный конец стержня длиной около метра выглядел на расстоянии таким хрупким и безобидным. А «светит» во все стороны – мама не горюй! Ну да пока не особенно страшно. Расстояние до него метров пять. Это значит, чтобы схлопотать приличную дозу, надо не так мало времени – минут двадцать-тридцать. Хотя сейчас все равно никто не знает силы излучения.

Ладно, побоку пока теорию! Вот уж действительно: промедление смерти подобно. С крановщиком тоже после будем разбираться. Сейчас – связь с постом управления работами, где находится начальник мастерской:

– Петрович, слушай внимательно. Все вопросы потом. Быстро вызови на кран Попова. Только его! И чтобы даже дышал там по моей команде! Дальше, вызови Генку к себе. Да пусть хоть пинками поднимают и гонят! Налей ему пол-литра для меня. Скажи, что я жду в зоне. Он знает, что делать. Да не дергайся, начальник, а со всеми своими докладами обожди. Минут двадцать или полчаса. Попытаемся исправить все своими силами. Хрен тебе, а не гарантии! Будь все время со мной на связи, точнее, с Солодовниковым: он у меня на «Каштане». И не мешай советами и распоряжениями! Да, химика с доктором высвистай на ЦДП, пусть уже сейчас разворачивают там все, что положено в экстренных случаях. Все, поехали!

Сергей обернулся к своим замершим подчиненным и заговорил нарочито неторопливо и спокойно:

– Теперь, ребятки, слушай меня очень внимательно. Пока мы здесь, у стеночки, да еще уровнем чуть ниже хранилища, ничего не страшно. Раз эта хреновина не хочет падать сама вниз, попробуем подтянуть ее вверх, в контейнер. Хорошо, что трос с блока не слетел. Его надо зафиксировать. Нет, Фомич, я сам пойду.

Эй, мичман Попов! На кране! Молодец, что уже на месте. Вижу тебя. Наблюдай внимательно со своей голубятни и ничего не делай, что бы ни случилось! Лучше ручонки свои шаловливые обломай сразу, а то ведь я рано или поздно из зоны-то выйду и сам их тебе засуну, знаешь куда! Шучу. Только по моей команде, Витя! Уже не шучу. Теперь заткнись. Пойдем-ка отсюда, ребятки. У нас несколько минут есть, сейчас антидот поднесут.

Он первым по стеночке вышел из помещения хранилища, поднялся по вертикальному трапу на верхнюю палубу и подошел к леерному ограждению зоны строгого режима, специально выбрав место под самым навесом ходовой рубки: оно не просматривалось с ПУРа. Матросы кучкой разместились вокруг. С другой стороны леера уже стоял Марков с явно выраженными следами ночных излишеств на лице, но серьезный и молчаливый.

– Гена, все принес?

– Обижаешь, начальник!

– Ребятки, это – антидот, – все понимающе заулыбались, – прекрасно, что вам всем это так хорошо знакомо. Обстоятельства у нас исключительные. Не пьянки ради, а здоровья для! – Все дружно закивали. – Принимаем по очереди внутрь по полстакана, запиваем водой. Потом можно закурить. Фомич, проконтролируешь. На все про все даю пять минут. Делай, как я!

Сергей стянул рабочую рукавицу с правой руки и, не снимая тонкой резиновой перчатки под ней, взял от Маркова стакан, не прикасаясь «грязной» одеждой ни к чему более.

Процесс этот был давно уже до автоматизма отработан между офицерами – начальниками смен. Конечно, перед входом в зону строгого режима еще в тепле и тишине каюты «лечебную» дозу принимали обязательно. Но кто ж выдержит потом четыре или даже восемь часов непрерывной работы без допинга? С собой туда ничего не возьмешь. Нет, взять-то можно, но там и оставить навечно придется, потому что от «грязи» бета-частиц посуду не отмоешь, а уж проникающая радиация... Кому охота бета-, гамма-закуску употреблять? Но одноразовой предварительной дозы никак не хватало на весь срок смены. Вот и превращался свободный от работ напарник в заправского стюарда или сиделку по уходу за тяжелобольным: когда на тарелочке, когда просто в карманах поднося к известному месту все необходимое. Ну там закусочка, запивочка, закурочка. Короче, полный профилактический комплекс мер по обеспечению радиационной безопасности с пятиминутной душевной беседой для расслабухи: «А поговорить?» Стоя друг от друга на расстоянии полуметра, на палубе, на свежем воздухе, разделенные тоненьким леером и, ни в коем случае, не прикасаясь друг к другу. Иначе «стюарду» придется бежать на ЦДП и под душем отмывать все точки соприкосновения.

Марков налил в стакан из бутылки на три четверти спирта, из другой долил до верха воды. Это была их с Сергеем установившаяся норма: крепость получалась градусов семьдесят. Кто-то не разводил шило вовсе, кто-то поганил его до крепости обычной водки. На флоте в этом отношении вообще максимальная демократия: даже во время коллективных пьянок на стол ставят бутылки с чистым шилом и бутылки с водой: мол, разбавляй, как привык. И тара питьевая предлагалась не меньше стакана. Опять же демократия и принцип максимального удобства: во-первых, сооружай себе, сколько душа просит, а во-вторых, попробуй-ка в рюмке развести спокойно.

– Потом ребятам также набулькаешь, но в два раза меньше. – Сергей в несколько больших глотков осушил стакан. И ел, и думал он сейчас неторопливо. С одной стороны, чтобы успокоиться самому, с другой – добиться появления у матросов твердого чувства уверенности и спокойствия. Сейчас оно им всем очень пригодится. В это время Генка уже раскурил сигарету и вставил ему в зубы.

– Гена, по-быстрому ребятам!

Через пять минут все было кончено. Антидот прошел отлично, вызвав мгновенные теплые спазмы в желудке. Правда, матросы с непривычки покашляли и покряхтели, на глазах появились слезы, зато на щеках заиграл румянец.

– Ребятки, еще великий Высоцкий пел: «... истопник говорит, что «Столичная» – лучшее средство от стронция...» Ядерная наука за это время далеко шагнула, да и медицина тоже. А каждый ядерщик-практик свято верит в защитную силу спирта против всяких альфа-, бета-, гамма-... Особенно, если принять до того. Хорошо еще и во время того. Ну уж и обязательно после. Да, когда все благополучно закончится, Фомич, приведи ребят в мою каюту. Мы там практически исследуем этот медицинский феномен. Поставим опыт на себе. – Сергей уже видел, что матросы полностью расслабились, посмеиваются. Испуга не было. – А сейчас, конкретно, мы с вами будем ликвидировать нашу маленькую неисправность.

– Гена, иди на ПУР, успокой начальника. Пусть химик с механиком воду горячую там организуют. Ну и все, что положено. Мотай!

Обернувшись к своей команде, Сергей распорядился:

– В хранилище со мной идет Фомич. И сразу прилипаешь к переборке, понял? – Сергей дождался кивка, – отсчитываешь вслух двадцать секунд после того, как я возьмусь руками за трос. Потом ори мне громко, что время вышло или не важно что, но ори.

Про себя он подумал, что двадцать секунд – это, пожалуй, многовато. Доза получается солидная, учитывая маленькое расстояние. Но зато ребят окончательно успокоит и настроит психологически. Страх перед радиацией, да еще обоснованный, это будет означать конец всем попыткам что-нибудь исправить по горячим следам. А, если по большому счету, то предотвратить развитие ядерной аварии.

Расстояние до контейнера в хранилище он преодолел в те же два быстрых прыжка, ухватился обеими руками за свисающий трос, потянул... И мгновенно почувствовал, что стержень обратно в контейнер тоже не лезет. Подергал еще пару раз для верности, бросил трос и быстро вернулся к поджидавшему его Фомичу. Тот успел сосчитать только до восемнадцати. По связи надрылся начальник мастерской:

– В первом хранилище! Доложите обстановку!

«Хреновая!» – про себя ответил Сергей.

В прошлый раз, три года назад, смена в таких условиях в полном составе вышла из ЗСР, если так можно назвать паническое бегство, а стержень потом двое суток вытаскивала специальная аварийная партия с привлечением всех защитных сил и средств береговой перегрузочной базы. Проверки и комиссии работали еще месяц, назначая каждому меру ответственности и определяя соответствующее ей воздаяние. Начальника мастерской сняли с должности.

Начальника смены предупредили о неполном служебном соответствии. Надо бы формулировать «о полном... несоответствии»!

Это еще был не Редин. В зоне должен был командовать Володя Могилев, который к этому времени уже практически не выходил из состояния «штопора» в связи с приближающимся увольнением из рядов Вооруженных сил как раз за такие прошлые прегрешения. Он остался валяться на диванчике в каюте, а заходить в зону пришлось Сергею, тогда еще абсолютно неопытному в перегрузочных делах.

Потом на всех разборах, а их было более чем достаточно, его фамилия, правда, не фигурировала: числился-то по всем документам Могилев, он все и взял на себя, благо, что увольнение уже было подписано. Так ему «неполное служебное соответствие» в каюту на диванчик и принесли. Вместе с приказом об увольнении.

Сейчас картина технически очень похожая вырисовывается. Но теперь Сергей сделает то, что не дали ему в прошлый раз. Или чего он тогда еще просто не умел и не знал.

«Ну, что ж не хочет, гад, вверх-вниз лезть, будем его выпрямлять, не отходя от кассы. Да-да, как гвоздь!»

– Рожков, возьми на ЦДП кувалду. Легкой рысью подскочишь к контейнеру и положишь ее рядом. Просто положишь! И сразу обратно. Не задерживаться ни секунды. Молодец, что понял. Фомич, отлично, что ты тоже уже все понял. Подбегаешь, наклоняешься, смотришь на стержень, видишь, в какую сторону выгнут, стукаешь легонько кувалдой два раза, кладешь ее рядышком и пулей обратно. Не надо второй раз повторять? Чудненько! Это десять секунд. Любая неожиданность, хоть пукнешь в процессе, сразу все бросай и сюда. Ясно?

– Так, умница! Теперь поделись увиденным.

– Товарищ капитан-лейтенант, изгиб заметен, когда очень низко наклоняешься. Лучше, вообще, лечь на хранилище. Там одному сподручнее стукать, а то каждый в свою сторону гнуть станет...

– Исключено! Вы у меня организмы нежные. Вам даже, возможно, в будущем детей делать придется. Так что побережем семенной фонд Родины. Фомич, ты вот сейчас подробно Гиятуллину расскажешь. А ты, Ирек, запомни: два удара всего!

– Да чего там долго объяснять: аккурат ударять посередине надписи.

– Эй-эй, какая надпись? – Редин шагнул к Фомичу. – Ты, часом, по своим каналам лишнюю порцию антидота не принял на грудь? Надписи стали мерещиться? Сам ведь сколько раз готовил новые ТВЭЛы к загрузке, тряпками их протирал, обезжиривал. Где ты надписи видел?!

– Нигде не видел, – обиженно проговорил Фомич, – а на этом есть. Клянусь! В две строчки английскими буквами. По ней и бить. А насчет антидота, я – ни-ни! Вообще, ведь говорят, что эти стержни с какой-то новой суперлодки. Поэтому их нам и на гребаной барже подкинули, так как саму лодку никому не показывают – секрет!

«А ты, Фомич, возможно, очень даже прав. Сам не подозреваешь, насколько прав. Не показывают... Это факт. Вот только к чему его пристегнуть?» – однако времени на раздумья у Сергея пока не было.

– Ладно, верю. Потом сам посмотрю. Сейчас не до этого. Гиятуллин, ты готов?

– Так точно, товарищ капитан-лейтенант!

– Люблю субординацию! Пошел!

Все проходило без осечек. Правда, Витька Солодовников вернулся с хранилища с кувалдой в руке. Бывает... Пришлось Рожкову идти обратно тоже с ней.

После того как все четверо сделали «по три подхода к кувалдометру», Редин пошел на контрольный осмотр. Стукнув слегка пару раз, больше для порядка, наклонился низко, приблизив лицо к стержню на недопустимо близкое расстояние. Где-то в глубине мозга щелкнуло:

количество получаемой дозы радиации возросло обратно пропорционально квадрату расстояния. А «квадрат» ох какой маленький! Зато надпись не только разглядел, но и прочитал такие знакомые каждому слова: made in... Нелепица, чертовщина, нонсенс. Ладно, проблемы решают в порядке их поступления.

– Ребята, сейчас все четверо хором на подиум, упереться плечами в контейнер и попытаться поточнее опустить его на направляющую. Слушать команды Фомича. На кране! Пробил и твой час! Работать по моим жестам. По миллиметрам! Меня хорошо видишь? Кто почувствует, что и захочет сообщить – ори во все горло, но работу без команды не прекращай. А если я заору – все бросать и ко мне! Начали!

Со стороны Сергею показалось, что плечи матросов даже не успели надавить как следует на контейнер, как вдруг стержень дернулся один раз, торчащий снаружи и привязанный к удерживающей цанге трос резко подскочил к верхней узкой горловине контейнера. Значит, выпрямленный стержень, ничем больше не удерживаемый, полетел в хранилище! От удара о его дно цанга расцепилась и освободила стержень. Крышку ячейки хранилища можно было закрывать.

«ТВЭЛ №-73 загружен в ячейку 115/4 носового хранилища № 1.
Замечаний нет!»

На выходе из ЗСР при проходе дозиметрического контроля Сергей сам дотошно проверил всю свою команду. Все, в общем-то, как и предполагалось, могло быть значительно хуже. Загрязнились сильно Фомич и Степа Рожков, вероятно, больше других елозили по крышке на четвереньках. А то и по-пластунски. Выкидывать придется не только КЗМы, ватники и сапоги, но и все то, что под ними было надето, вплоть до трусов и тельняшки. Мелочи. Редин поговорит с интендантом, проблем с получением нового не будет. А на теле грязные места щетками с порошком ототрут. Хорошо, что на головы не накапало: ходить бы теперь им бритыми. Особенно весело было бы Фомичу, с его надвигающимся ДМБ!

И с дозиметрами картина предсказуемая. Которые ионизирующее излучение измеряют: только у Солодовникова он показывал что-то в середине шкалы. Значит, примерно полугодовая допустимая доза. Виктор по приказу Сергея на связи стоял и кувалдой со стержнем «целовался» на один раз меньше, чем другие. У остальных «карандаши» просто зашкаливали.

Эти «карандаши» – карманные дозиметры – рассчитаны на пять рентген. Что по каким-то там, одному Богу известным, нормам для их категорий работающих с радиоактивными веществами, составляло годовую допустимую норму. Себя Сергей в расчет не брал: если суммировать все полученные им дозы, то лет сто еще работать бы не пришлось. Фомичу тоже побочку: ему через пару месяцев домой ехать, все равно в зону не пойдет больше. А вот по поводу Рожкова и Гиятуллина надо и начальника мастерской, и доктора с химиком предупредить, чтобы до конца календарного года в ЗСР ни ногой! А с нового года – «чистый лист» и вперед. Осталось-то три месяца. Ерунда!

Благодаря дозиметру Солодовникова, зная, кто, где и сколько времени находился, Сергей очень примерно прикинул, что Фомич получил, вероятно, четыре-пять годовых доз, Степан с Иреком – по четыре и три соответственно. Сам Сергей явно не превысил шести-семи. Это не Хиросима и не Чернобыль. Но для себя знать полезно. Ведь в Журнале учета доз на ЦДП будут записи примерно от 0,02 до 0,08 рентгена. По-другому начальство не пропустит. Да и мало кого эти записи действительно заботили.

У большинства новичков панический страх перед радиацией проходил уже на первых неделях службы на корабле, уступая место настороженно-опасливому отношению. А затем, с приобретением опыта и знаний, исчезал вовсе. Это было, как работа водолаза на глубине или

даже космонавта в открытом космосе. Вокруг потенциально враждебное окружение, но в нем надо существовать, работать и сберечь свое здоровье. Правда, очень существенным отличием от многих других опасностей, у радиации была, как бы это выразиться, полнейшая анонимность. Ее не видно, не слышно, она не имеет ни запаха, ни вкуса, на ощупь не попробуешь.

Сам Сергей вынашивал идею, что у человека, подобно некоторым животным или насекомым, есть специальный орган, способный распознавать это излучение. Но пребывает он в рудиментарном, неразвитом виде. Может, просто, пока за невостребованностью. Что-то вроде третьего глаза. Надо его найти и оживить. Или, пустив все на самотек, отдав на откуп Природе, ждать естественного эволюционного развития еще черт знает сколько эпох.

– Фомич, за тебя я спокоен. Проследи лично за молодыми, чтобы «до нуля» отмылись. А не какие-то там «сорок распадов на коже». Не верьте сказкам. До нуля! Потом ко мне в каюту все вместе, как договорились, перед обедом загляните, понял? Со всеми вашими непосредственными командирами и начальниками я договорюсь. Спасибо тебе!

Сергей поднялся в каюту и уже оттуда позвонил начальнику мастерской, что подойдет через полчаса, а пока «перышки почистит». Сменив белье и одежду, плеснул в стакан шила, развел отработанным движением и в два глотка выпил. Кинул в рот желтенькую витаминину «Гексавит» и закурил. Вот теперь, когда схлынуло напряжение экстремальной ситуации, явно необходимо упорядочить «головные мысли» – так любил выражаться его старшина роты в училище. Просто надо разложить по полочкам изрядное количество фактов, которые как-то не хотели вписываться в привычную картину.

Отвлек его от этого почти философского занятия вежливый стук и голос из-за переборки:

– Разрешите войти?

– Иван, тебя-то мне как раз и не хватало! – Сергей сразу вспомнил, что обещанный вчера разговор так и не состоялся, и почувствовал легкий укол совести, – проходи, садись, сейчас каюту запру.

Дронов примостился на краешке стула, а Сергей удобно развалился в любимом кресле. Ладно, мысли и без полочек могут полежать, а старшину надо выслушать.

– Как там наше заведование?

– Да за это, Сергей Михайлович, можете не волноваться. Дима Хлопов хорошо работает и грамотно. Я ведь по другому поводу хотел... Только что Фомич в кубрик спустился, рассказал в подробностях, что там у вас в зоне происходило, вот я и подумал, что надо прямо сейчас к вам пойти.

– Это что, связано как-нибудь? – Редин заинтересовался.

– Сергей Михайлович, я сам не знаю и ничего не понимаю.

– Тогда давай выкладывай все факты, а как их сляпать – вместе разберемся.

– Товарищ капитан-лейтенант, фактов-то мало очень. Все слухи больше, домыслы, догадки, сплетни.

– Саныч, ты выкладывай все: что сам знаешь, о чем в кубрике небылицы травят. Мне начинает казаться, что главное-то как раз в них и есть.

Старшина похмыкал, поелозил на стуле.

– Ну, вы еще в отпуске были, а нас сюда, в Ханту, погнали. А хранилищ-то оба у нас пустые! Чего выгружать? Молчат. Целый месяц тут загорали. – По тому, как складно говорил Дронов, Сергей понял, что он давно и подробно обмозговал информацию. – Потом комиссии стали наезжать. Что ни день, то новая. Задрючили совсем. Даже иностранцев по кораблю водили! Они сейчас на ПКЗ живут. Бабы ихние по утрам в сопки бегают, ну и наши некоторые за ними... Ладно. А тут баржу подогнали. Говорят, будем с нее зоны к нам в хранилище перегружать. Только ведь раньше никогда зоны на баржах не таскали. Начальник мастерской собрал всех и объяснил, что, мол, это – зона с новейшей суперсекретной лодки. Нас к такой для перегрузки даже не имеют права подпускать, чтобы ее никто не видел, лодку эту. Вот поэтому

они там сами на баржу загрузились, а мы здесь перетаскаем к себе. Что дальше делать – говорят, получим приказ и куда-нибудь доставим. А чего доставлять-то, мы же и так в Ханте! Вот он, могильник. Других на всем флоте нет. Все сюда и стаскивается. Ну, это, говорят, не ваше дело. А на барже еще кое-какое оборудование свалено было. Мы его в первую очередь себе в глубокий трюм сунули. Говорят, без него эту самую зону не перегрузить: она нестандартная, нашими цангами и захватами не справиться. Ладно. Цанга – это одно дело, а там такие конструкции... И не используем мы их вовсе.

Я Пашку-химика взял, и в зоне все это рассмотрели, общупали и фон замерыли. Сергей Михайлович, это все так светит! Куда там нашим зонам! А главное-то, на всех железках фирменные знаки выбиты и надписи не на нашем языке.

– Английский? – Сергей насторожился.

– Наверно. Я ведь в школе немецкий учил. На нашем-то оборудовании только ГОСТ иногда увидишь. Да и сделано все классно. Неужели на наших ПЛ теперь импорт ставят?

– Может быть, может быть... – Редин задумался. Наши не наши, ромашка хренова!

– А еще даже на бербазе говорят, что мы точно с этой зоной на Новую Землю пойдём. Это на нашем-то корыте! Но весь ходовой состав: командира, штурмана, рулевых к нам уже прикомандировали. Писаря в штабе приказ видели.

«Все правильно, – подумал про себя Сергей, – держать штатных «ходовиков» на их корабле не имело смысла: если надо было сменить точку базирования, их просто морским буксиром перетаскивали, а для перегрузочных работ и нужна-то была только мастерская перезарядки да БЧ-5 – мотористы, электрики, дизелисты. Поэтому и сократили весь ходовой штат. Значит, действительно на Новую Землю...»

– Ваня, ты умный парень, – Сергей был откровенен, – пришел ко мне сам. Разговор у нас очень занимательный вышел. Только, видно, я чего-то не улавливаю. Поясни тогда мне прямо: чего ты хочешь? И вообще, и от меня конкретно.

– Понимаете, Сергей Михайлович, шеф, – Редин понял, что имелся в виду начальник мастерской, – как водится, годков собрал перед началом. Ну, тех, кому месяц-два осталось. Вы всех знаете, – Сергей кивнул, – об ответственности, секретности много трюндел и, конечно, пообещал ДМБ в первую очередь, если они будут руководить сменой на барже, и все тип-топ будет: выгрузят за пару недель без замечаний. Тем, конечно, только того и надо. Клялись, целовались... Шеф доволен. Он же сам не пойдет проверять. А годки всю молодежь туда пихают. Все в общем-то нормально, мы все в свое время так работали. А теперь нельзя так! На этой барже салаги гребут дозы, никто их, конечно, не регистрирует, годки все прикрывают. А я ж говорю: зона, как бешеная «светит»! – Дронов явно устал от такого непривычно длинного монолога.

Сергей специально не перебивал его, не помогал, не задавал никаких вопросов. Ему нужно было знать, куда направлены мысли старшины, что больше всего кажется ему непривычным, подозрительным, откровенно лживым, что беспокоит по максимуму. Куда он может «рыть».

Услышанное Редина вполне устраивало. Пока. Пусть в честной голове Дронова угнездится мысль о новых сверхсекретных подводных лодках. Тогда все несуразности с появлением баржи, ожидаемом походе на Новую Землю тот сам себе разобъяснит и удовлетворится. Не только сам, но и убедит подавляющее большинство экипажа. А вот конкретные работы по выгрузке-загрузке, производ «годков», неопытные салаги – это сейчас отличная точка приложения Ивановых сил. Сергею надо день-два, чтобы самому разобраться. А, может, уже сегодня все станет ясно... Тогда Дронов пригодится для чего-нибудь другого.

– Хорошо, Ваня. Думаю, что, не поднимая особой волны, мы эту проблему решим. Я еще до обеда переговорю с шефом. А уж после сегодняшнего ЧП он меня не только выслушает очень внимательно, но и выполнит все необходимое. Внизу можешь уже сейчас объявить офи-

циально, что время работы смен сокращается вдвое. Если надо, то и до двух часов сократим. Одежду все получают новую, и заменяться она будет по первому требованию. В смену ходить не ранее, чем через сутки. «Годкам» руководить ЛИЧНО! Ты сам нарисуй график и контролируй. Дембелям скажи, что это все от меня. А перед ужином собери их в каюте, я спущусь специально побеседовать с ними. Думаю, мы пойдем по-хорошему друг друга. Тебя такие первичные мероприятия устраивают?

– Сергей Михайлович, я же знал, к кому обращаться! Спасибо. Все отлично будет, не волнуйтесь. – Подумав, Дронов добавил: – А «годки» будут очень довольны, что вы сами к ним спуститесь.

– Ладно, Ваня, иди рули. – Заперев за старшиной каюту, Сергей глянул на часы: минут тридцать у него есть на то, чтобы прозондировать почву с Генкой и Женечкой. Рано еще делать окончательные безапелляционные выводы, нужно собрать как можно больше фактов.

В каюте, где жили вдвоем Марков и Гоголь, его ждало не только первое разочарование, но и очередной житейский урок. Первое касалось Генки, и если бы мысли Сергея не были заняты другим, он вполне смог бы предвидеть подобное развитие событий: прошлогоднее бревно было значительно более одушевленным предметом, чем тело, которое валялось на нижней койке и принадлежало, пока еще, капитану-лейтенанту Маркову.

– Женя, господи, он хоть дышит еще?!

– Возможно, через раз. Но пердит и блюет регулярно, как тридцатилетний мерин после ведра пургена с касторкой, – Евгений закрыл книгу, которую читал, и свесил голову с верхней койки, – минуты через полторы как раз начнется.

– Женечка, зачем же пурген-то с касторкой?

– Это я образно выражаюсь, литературно. Наваяло. – Он показал обложку книги: А.П.Чехов «Избранные рассказы». – А фактически, уже утром после уничтожения того, что ему шеф выделил, для тебя, разумеется, наш Геночка решил «привести себя в порядок». Оказывается, для него это означает побриться и запить такое дело одеколоном. Оригинальная весьма трактовка правил личной гигиены! Одеколон, разумеется, мой.

– То-то, когда я вошел, решил, что ты палубу французским парфюмом моешь!

– Да не было меня в каюте в это время! Когда пришел, он уже только мычал и озонировал воздух из всех естественных отверстий своего многострадального организма.

– Значит, с этим страдальцем уже не побеседуешь до ужина, – констатировал Редин. – Женя, может, хоть ты мне что-нибудь расскажешь.

Сергей присел у стола. Вот здесь и состоялся житейский урок. Всегда мягкий и податливый Женечка, нужные сведения от которого Сергей рассчитывал получить без труда в непринужденной беседе, как-то непривычно твердо произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.